

МЕЖДУНАРОДНОМУ ДН

ПОХОЖИЕ ГЕРОИ И НЕПОХОЖИЕ ХАРАКТЕРЫ

Десять написанных и восемь поставленных пьес — таков на сегодня творческий багаж одного из молодых драматургов нашей республики, интересного и своеобразного автора Паула Путныня.

— Вы работали когда-то ассистентом режиссера, а потом и режиссером в нашем Художественном театре. Знаете законы театра ближе и глубже, чем те драматурги, которые пришли к нему от своих письменных столов. Помогает или мешает это знание сегодня?

— Если отвечать односложно, то, конечно же, помогает. Театр, сцена — это очень специфичный вид искусства. Можно говорить даже о том, что автор, работающий для театра, очень ограничен в своих «изобразительных средствах». На сцене обязательно должно быть действие. Желательно, чтобы оно проходило в одном или очень немногих местах. Трудно приходится автору и со временем действия. Между одной и другой сценой спектакля иногда проходят годы. Писатель может их показать. А у драматурга такой возможности нет.

Короче говоря, все эти специфически театральные знания сыграла в моей работе двоякую роль. Конечно, помогли, но поначалу я писал в основном не пьесы, а, скорее, сценические разработки. Только со временем стал больше думать над их литературной стороной. Размышлять над философскими аспектами конфликтов, изображенных в моих спектаклях...

— Проходит довольно большой промежуток времени с момента появления замысла какой-либо пьесы до ее постановки на сцене. Что опущаете вы, увидев, наконец, свою пьесу из зрительного зала?

— Понимаете, в чем дело, любая поставленная пьеса — это тот самый барометр истинной ценности и самой работы автора, и всего спектакля. Для меня же самого увидеть впервые поставленной свою вещь вдвойне интересно. Дело все в том, что у меня плохая память. И от написанной пьесы я очень

быстро отвлекаюсь, забываю какие-то ее моменты. И вот я прихожу на спектакль. Отчасти я вижу уже не свою, а как бы чужую работу. И ловлю себя на мысли — вот тут не дотянул, тут явно напутано, а вот здесь хорошо. Молодцом! И тут вспоминаю, что думаю это, собственно говоря, о себе. Разумеется, автору всегда надо быть очень самокритичным в своей работе. Не костенеть в своих убеждениях и всегда чуть-чуть сомневаться в своей правоте. Но именно чуть-чуть, иначе режиссерам и актерам удастся убедить тебя в том, чего в пьесе и нет, чего ты и не собирался писать. Ведь каждый спектакль можно поставить по-разному.

— Ваши пьесы шли на сценах многих латвийских театров. Вот недавно мы видели по телевизору постановку «Лепайчан» — «Это божественное тук-тук». С каким коллективом, с какими режиссерами и актерами хотелось бы вам самому сотрудничать и почему?

— Давайте я буду говорить не о каком-нибудь конкретном коллективе, а, так сказать, о моем теоретическом представлении, каким должен быть «мой» театр.

Любой автор очень субъективен в своей работе, поэтому первым делом он должен найти общий язык с актерами и режиссером. Идеален тот вариант, когда театральный коллектив и драматург как бы живут одним дыханием.

Часто бывает так, что режиссер прочитывает твою пьесу по-своему. И вот тогда, если нет взаимного понимания, споры по поводу того, как пьеса должна быть поставлена, могут превратиться в творческий конфликт. Когда же разговор идет о каких-то специфических сценических требованиях, опытный автор может и согласиться с режиссером. В конце концов, ведь важна суть того, что хотел сказать драматург, а как это будет выражено изобразительно, может быть и не принципиально. Хотя мне лично очень трудно оторваться от своего видения спектакля.

Вот, скажем, мне очень нравится «Таганка». Любимов — прекрасный режиссер. А с

другой стороны, я не представляю себе свою пьесу на их сцене, не устраивают меня приемы работы этого театра. Хотя, в конце концов, может получиться и так, что они поставят какой-то спектакль по моей работе так, что я и сам удивлюсь. Приятно удивлюсь.

Сейчас много говорят о том, что старая актерская школа игры себя изжила. Есть драматурги, которые пишут в брежневской манере, и им нужен актер, умеющий играть условно. Что же касается меня, то я думаю, что говорить надо не о школах, а о сути самого актера. Я пишу разные пьесы. В одних нужна глубокая эмоциональность, нужен актер, умеющий играть очень реально. А вот, скажем, главный герой пьесы «Янка уже размышляет» требует большего эксцентризма. В этой пьесе у меня все действующие лица освещены как бы с одной лишь стороны.

Если говорить честно, я не вижу кардинальной разницы в различных школах актерской игры. Вот они встречаются на экране в кино и очень хорошо друг друга понимают. И уж ни в коем случае не диссонируют между собой... Я думаю, что сегодня актеру очень нужно острое чувство современности того, что он играет. Иногда можно не разрабатывать филигранно какой-нибудь образ. Но обязательно нужно играть целую систему, в которой образ находится.

Словом, я считаю, что сейчас, как, впрочем, и во все времена, для актера очень важна не только его профессиональная школа, но и собственная человеческая глубина. Вспомним хотя бы Эльзу Радзину. Каким надо быть глубоко мыслящим человеком, с какой широтой мировоззрения, чтобы одновременно играть и шекспировскую Гертруду, и какую-нибудь вздорную старуху в современной комедии.

— За последние годы на сценах латвийских театров поставлено несколько очень непохожих друг на друга ваших пьес. Комедий, драм, мелодрам и, наконец, трагикомедий. Вы никогда не пытались для себя сформулировать, кто же ваш главный герой?

— Лично я считаю, что такого героя у меня нет. Хотя критика его все-таки находит. По крайней мере она усматривает стремление к такому обобщающему герою. Я думаю, что здесь, скорее можно говорить вот о чем: моих героев зачастую объединяют внешние признаки. Но характеры разрабатываю каждый раз по-новому.

Вот вы упомянули недавнюю работу Лиепайского театра. Одна из тем этой мелодрамы — неправильно понятая эмансипация женщины. А рядом с героиней еще один образ — Эдгар Опманис. Он переживает другую трагедию. И вот вам третья тема спектакля. Только своя боль, своя пережитая трагедия помогает человеку прочувствовать, понять трагедию другого.

Эта пьеса написана три года назад. Наверное, в следующих моих работах можно найти героя, похожего на Эдгара, но там он уже несет совсем другую задачу. А женщина такая, какой она показана в той пьесе, в моем творчестве вообще уникальна...

— В праздники принято подводить итоги сделанного и размышлять о планах на будущее. Похоже, что кое-какие итоги мы с вами подвели. Ну, а как обстоит дело с планами на будущее?

— Драматурги, как вообще люди искусства, чуточку суеверны. Мы зачастую просто боимся говорить о том, что будет, потому что не знаем, что получится. Поэтому я в двух словах скажу о том, что уже известно более или менее точно. Написанную прошлой весной пьесу «Янка уже размышляет» уже показал Художественный театр, теперь эту ироническую комедию готовит к постановке наш русский драматический театр. Недавно я закончил инсценировку исторического романа Андрея Упита, которую сделал к предстоящему 100-летию юбилею писателя. Есть у меня некоторые, еще не выразившиеся конкретно, связи с киностудией... А вообще, я в будущем постараюсь писать пьесы...

Вела беседу
М. КАРМИТ.